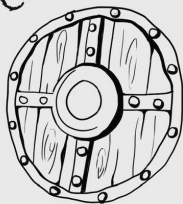
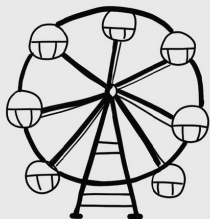

КОРОЛЕВА ЗИМНЕГО БАЛА

Елена Нестерина

Елена Вячеславовна Нестерина

Королева зимнего бала

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165226

Эксмо;

Аннотация

Вера Герасимова пришла в новый класс – и на свою беду понравилась гопнику Пряжкину. Ради неё Пряжкин бросил трёх девчонок, за которыми одновременно ухаживал! Но от этого Вере никакой радости – ведь получается, что она выглядит так, как девушки, которые нравятся гопникам. А в своих мечтах она принцесса, она любит приключения, возвышенных героев и классическую музыку, ей так хочется иметь друзей – но приходится создавать неприступный вид и изображать, что ей нет дела до посредственных одноклассников. Которые на самом деле восхищаются ею и даже завидуют... Вериней интересной жизни завидуют – в существовании которой она всех убедила. Как остановить карусель этих противоречий, объясниться, подружиться? Похудеть – в конце концов?!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Нестерина

Королева зимнего бала

Глава 1

Девочка в небе

Приключения! Те, о которых написаны тысячи книжек, снято множество фильмов, без которых жизнь кажется однообразной, скучной, серой – где они? Неужели они доступны только избранным – буквально единицам? А остальные, обычные люди, никогда не примут в них участия, так и будут жить своей спокойной тихой жизнью – а за настоящими захватывающими приключениями наблюдать лишь с экрана, на страницах книг или симулировать их в играх?!

Вера была решительно с этим не согласна. Простая обыденная жизнь не устраивала её. Но и приключений никаких не случалось. А так хотелось чувствовать себя героическим персонажем, вернее – быть им. А не домашней девочкой, эдакой плюшницей-ватрушницей! Поэтому, иногда, набравшись смелости, Вера сама устраивала себе такое приключение.

Она ехала в парк. Там летом, весной и осенью работала карусель «Колесо обозрения» – железный мастодонт, изда-

ющий при движении унылые скрежещущие звуки.

Для того, чтобы кататься, на этом аттракционе были открытые всем ветрам площадки с четырьмя пластмассовыми сиденьями, цепочкой с крючком вместо двери и железным рулём посередине. Если вертеть этот руль, площадка иногда довольно быстро раскручивалась – это для остроты ощущений.

Первую четверть маршрута – до девяти часов на циферблате каруселей, Вера нетерпеливо пересаживалась с одного сиденья на другое, свешивалась вниз и смотрела по сторонам, ёрзала и вздыхала. Но «Колесо обозрения» поднимало её выше и выше, и тогда она расшнуровывала ботинки, снимала носки и сидела очень смиренно. Примерно ближе к воображаемой цифре «одиннадцать» карусельного циферблата, там, почти на самом верху, Вера залезала на руль и, держась пальцами босых ног за железные края этого руля, выпрямлялась, раскинув руки для равновесия. Так она и стояла, пока колесо не прокрутится так, что взгляд её не сровняется с полосой верхушек деревьев.

И тогда она очень медленно спускалась на холодный пол площадки, обувалась и, дождавшись, когда забрезжит за кормой асфальт, прыгала вниз. Не оглядываясь и не реагируя на крики билетёров и посетителей, девочка перелезала через невысокое ограждение аттракциона и убегала из парка.

В тот день, когда Вера впервые додумалась до этого, было солнечно и тепло. Но как только карусель стала поднимать-

ся вверх, Вере стало страшно – и от этого холодно. Ей казалось, что внутренности примёрзли к позвоночнику и трясутся там, бедные, позванивая. Вера была уверена, что страх не позволит ей оторваться от сиденья и совершить запланированное. Подумаешь, трепетала в голове мысль, прокатится она на карусельках, как все, да и сойдёт себе спокойненько – никто и не догадается, что она собиралась сделать. Однако уважение к себе Вера потеряла бы окончательно – если бы тогда не смогла заставить себя забраться на эту ненадёжную скрипящую конструкцию. И когда она всё-таки это сделала: скинула босоножки, встала на шаткий металлический руль, выпрямилась и взглянула на небо, на даль лесов за рекой, то поняла, что у неё за спиной крылья – и они тонко поют на ветру. Сразу стало ясно, что всё ещё может быть хорошо, что оно так и будет – надо только жить, жить, жить, стараться... Что раз она зачем-то дана, эта жизнь, то наверняка не напрасно.

Это ощущение оставалось в Вериной душе долгое время. Повторять номер с каруселями не хотелось долго – потому что даже когда Вера вспоминала об этом, её пробирал настоящий ужас, немели руки, а пальцы ног становились холодными и сжимались, словно под ними всё ещё была та призрачная опора – железный руль раздрыганного «Колеса обозрения»... Но проходило время, а всё было как обычно – ни приключений, ни необыкновенных событий. Вера, которая очень хотела быть похожей на любимых героических персо-

нажей, скучала и тосковала. Хотелось ну пусть на недолгие мгновения ощутить себя такой же, как они, – оказаться в рискованных обстоятельствах, с честью их выдержать, выстоять, победить. И Вера снова приезжала в парк...

А в этот раз, уже давно неизвестно какой по счёту, была середина слезливого осеннего дня. Гоняя страх по углам своей души, Вера вытерла мокрый руль рукавом куртки. Нет, не оставляла её стойкая уверенность, – всё не кончится тем, что она, как гуттаперчевый мальчик, полетит вниз! Это ведь не так трудно и опасно – если падать, то дальше площадки свалиться вряд ли получится, а с неё свалиться – это надо специально постараться! Вот Вера стоит, видит город – будто накрытый бурым сукном широкий стол: торчат маковки церквей, кроны деревьев, заводские трубы. Далёкие леса сливаются с серым небом, дождь идёт. Но крылья не намокнут и не отвалятся, пусть даже Вера уронит, когда станет обуваться, ботинок вниз и после будет долго искать его в прелых листьях. Они всё-таки есть, эти крылья, просто до сих пор ещё не задействованы! Но им обязательно найдётся когда-нибудь применение – и вот тогда-то и начнётся счастье, тогда-то и придёт радость и наполненная приключениями жизнь, тогда всё будет хорошо!

В этот раз на Веру даже не кричали, не каркали под руку и не заставляли слезть – посетителей-то почти нет, сезон каруселей кончается, осень уже. Да и зачем кричать на почти что взрослую тётю? Ей, Вере, в начале весны исполнится че-

тырнадцать лет...

Вера убегала прочь из парка, подальше от скрежета «Колеса». В сердце поселялась спокойная радость и уверенность.

Быстро темнело, влажный ветер порывами вылетал из подворотен и прямо-таки набрасывался на Веру, но это её совсем не расстраивало. Даже наоборот веселило и бодрило: хотелось, чтобы и ветер был сильнее, и ущерб от него значительнее. Зачем? Чтобы бороться с ним, преодолевать препятствия, переносить лишения, страдать и побеждать! Побеждать разгул стихии, обстоятельства, других людей, себя...

И девочка уверенно двигалась навстречу ветру, который заставлял трепетать её куртку, романтически развеивал волосы, бросал в лицо пригоршни дождевых капель. Вера не стирала их – и холодная вода стекала маленькими ручейками. Но Вера гордо держала голову и всматривалась в даль – потому что представляла, что на самом деле она стоит на капитанском мостике старинной каравеллы, и в лицо ей летят брызги волн сурового моря. Её корабль мчитя вперёд, невзирая на бурю, тьму и предстоящие опасности. Тут и там слышны какие-то звуки – ну конечно же, никакие это не прохожие переговариваются! Это кричат птицы – могучие буре-вестники и альбатросы, они носятся над бушующими волнами и вместе с капитаном Верой радуются шторму. Сверкает

что-то — не огни машин, окна домов и витрины магазинов, нет — молнии! Грохочет гром, молнии бьют тут и там, а корабль плывёт, и его спокойный капитан на мостике не боится ничего!

А волны становятся всё выше. Ветер яростней. Матросы, ежесекундно рискуя жизнью, по команде капитана выставляют дополнительные паруса. А вот и она, Вера, — теперь уже один из матросов: бесстрашно карабкается вверх, взбирается на рею, чтобы укрепить парус как следует. Одинокую каравеллу посреди бушующего моря бросает в разные стороны, но отважный матрос должен выполнить своё дело, а потому не имеет права бояться...

Вжившись в образ матроса на рее раскачивающейся под ветром мачты, Вера так замечталась, что, завернув за угол, с размаху впечаталась в прохожего. И только его возмущённый голос вернул её к действительности. Вера встряхнулась, улыбнулась, развела руками, сказала: «Извините...» И отправилась дальше, вновь подставляя лицо под порывы ветра.

Так она и шла. Встречные прохожие лишь на миг выхватывали из темноты Верино вдохновенно-мечтательное лицо, удивлялись: куда же это несёт её, такую романтическую? И, скорее всего, тут же забывали о ней.

А направлялась девочка домой. От городского парка культуры и отдыха до её дома было не так далеко, если идти не по прямым дорогам улиц, а дворами. Так, подворотнями и закоулками, Вера и двигалась.

Пересекая широкий двор, с четырёх сторон окружённый простецкими пятиэтажками, она заметила, что на скамейках, придвинутых друг к другу, расположилась весёлая компания. Ребята и девчонки громко переговаривались, кто-то бренчал на гитаре – и несколько голосов напевали под его музыку, слышался смех. Даже издалека было понятно, что этим людям хорошо друг с другом.

Не замедляя хода, Вера долго смотрела на них – до тех пор, пока не скрылась за углом дома. И думала: жалко, что в её дворе нет такой тусовки! Что – такой! Вообще никакой нет. Она жила в новом доме с охраняемой территорией. За ворота пускали только тогда, когда посетитель договаривался об этом с кем-то из жильцов по домофону от пункта охраны. Во дворе было, конечно, замечательно: клумбы, фонтан, детская площадка необыкновенной увлекательности, беседки, до глубокой осени увитые плющом. Но гулять там было невозможно. Из детей во дворе появлялись только малыши со своими мамашами, или фифы и парни, чуть постарше Веры, с которыми она только из вежливости здоровалась. Да и то они во дворе не задерживались – или мчались на стоянку к своей машине, или исчезали за воротами. Всё – гулять было не с кем. Эх, как мечтала Вера о простой тусовке, каких так много во дворах обычных типовых домов!

Вот о такой, например, тусовке, как эта! Ой, как было бы здорово, если бы среди этой компании оказалась и она, Вера! Ух, сколько всего интересного можно было бы придум-

мать! Она бы организовала такую жизнь, которая была бы ключом! В смысле, не кого-нибудь была, а активно бурлила бы! Все держались бы вместе, «один за всех – и все за одного!», были бы верными друзьями, думая только о том, чтобы скорее встретиться, отправиться гулять... Или общими силами придумать какую-нибудь игру. Например, можно играть в историю из жизни рыцарей. У каждого была бы своя роль, мечи можно было бы заказать, доспехи, придумать сценарий...

И пока ноги несли Веру к дому, мечты уводили её в прекрасный мир фэнтези. Вот она сама: на коне, в блестящих доспехах, в шлеме и с мечом – руководит штурмом замка, где затаились злобные враги. Оттуда сюда и отсюда туда летят стрелы, но Вера, прикрываясь от них щитом, упорно мчит-ся вперёд, к стенам замка. И вот уже к этим стенам приставлены осадные лестницы... На штурм! Вера слезает с коня, поднимается по лестнице. Отряды её храбрых воинов – за ней. Одной из первых Вера врывается в замок. Идёт яростное сражение. Нельзя думать о смерти! Удача любит храбрых! Победа близка...

И вот она – победа! Со знаменем в руке Вера стоит перед своим войском. Ветер развевает её лиловый плащ, блестят доспехи, её стройную сильную фигурку видят тысячи людей. Которых она, Вера, привела к победе. Ей кричат «Ура!», подводят верного коня. Она легко запрыгивает в седло и, не выпуская победного знамени из руки, едет вдоль войска...

С мыслью об этом девочка вошла в квартиру, зажгла в прихожей свет. Взгляд Веры упал на большое зеркало, в котором она увидела себя...

Все мечтания о красивых подвигах и приключениях закончились. Да и дающая уверенность в себе рискованная поездка на железном руле забылась... Не отводя взгляда от своего отражения, Вера горько усмехнулась и подумала: «Ну, если такая плюшка взгромоздится на коня, у того ноги подломятся...»

Да, девушка она была о-го-го. Невысокая, но плотная, а потому казалась крупнее своих сверстниц – тощих и длинных. Или не длинных, а просто тоненьких. Такой кобылице никакие рыцарские доспехи не подойдут. Смешно получится – как будто кухарка тётя Мотя решила на маскарад сходить, да с костюмом просчиталась... Так думала Вера, в который раз мучительно разглядывая себя.

Нет, конечно, о таких вещах не нужно даже мечтать. Пусть всякие ролевые игры достаются другим девчонкам – тем тощим стройным личностям, которых если в мальчишек переодеть, то и не отличишь. А значит, на них и всякие там доспехи будут неплохо сидеть. Ведь Вера, насмотревшись кино, очень хорошо помнила, как неприятно выглядят приземистые широкозадые девицы, наряженные воинами. И как изящны и уместны стройные... Тоненькие... Как она успела понять, главные положительные персонажи никогда такими комичными не оказываются – в главных ролях всегда только

стройные девушки. А она...

А она толстая. И никуда от этого не денешься. И напрасно она каждое утро ездит с родителями в бассейн и плавает там туда-сюда, наматывая по несколько километров, напрасно совсем мало ест, втихаря выкидывая калорийные продукты. Результата нет. Нету его... Жизнь как будто смеялась над Вериним романтическим сердцем, поместив его в такую бабскую приземлённую оболочку.

От такой несправедливости хотелось выть. Или пластическую операцию сделать. А в приступах бессильной тоски – только лежать под одеялом и ожидать чуда. Или не хотелось вообще ничего. Вера ужасно переживала из-за такого нечестного распределения внешности и внутренностей (Вера имела в виду внутренности душевные). И как исправить это – не знала...

Толстая. А Вера Герасимова ведь раньше и не знала, что она толстая.

Началось все из-за гада Пряжкина. Вера пришла в пятый класс в новую школу – и понеслось... До этого Вера думала, что она просто девочка как девочка. А тут местный хулиган, двоечник и, как говорили девчонки сейчас, отрицательно-харизматическая личность Коля Пряжкин, увидев её, вдруг разом позабыл все свои сердечные привязанности. А их было целых три в их классе – Катя Марысаева, Оля Прожумайло и Лиля Кобзенко. Привязанности позабыл – и при-

нялся активно выражать свои чувства к Вере.

А выражались они так: Пряжкин тянул к ней свои руки, пытаясь ухватить за что-нибудь более осязаемое, чем тяжёлые косы. Косы пришлось обстричь. А по рукам лупить, причём очень больно – чтобы отбить у Пряжкина охоту к Вере их протягивать.

До этого Пряжкин не получал столь решительного отпора. Отбить охоту, конечно, не удалось, однако теперь ближе чем на метр, ну, или хотя бы на расстояние вытянутой руки точно Пряжкин к Вере не приближался. Любовался издалека. Но при этом восхищённо смотрел на Верины круглые щёчки с ямочками и восклицал (то есть дразнился): «У-у, толстая!» У Коли Пряжкина и у самого мордень была размером с хорошее блюдо. Так что, ему, наверное, казалось, что подобное притягивает подобное.

Но это его «У-у, толстая!» охотно подхватили сначала мальчишки, которым главное всегда – зацепиться за какую-нибудь обидную тему, на которую можно дразниться. Наиболее болезненную для объекта насмешек. Иначе неинтересно.

А за ними и девчонки. Которые по первости лишь хихикали, слыша, как мальчишки поддразнивают Веру, и затем присоединились тоже – особенно получившие отставку и поэтому расстроенные Прожумайло с Марысаевой.

Вера в пятом классе обижалась на это, бесилась, мальчишкам от неё здорово доставалось – была она их безжалост-

но. Особенно плохо приходилось гнусному Пряжкину – который, к сожалению, был очень рад, что ему в такой форме оказывают внимание... Однако его дело принесло свои плоды – девочка окончательно поверила в то, что она толстая. Занятия на родительском велотренажёре и беговой дорожке, плавание и другие ухищрения результатов не давали – тростинкой она не становилась. А потому жизнь Веры постепенно переместилась в жизнь мечтаний и вымышленных приключений, книг, компьютерных игр, фильмов. Там Вере было хорошо, ведь она видела себя другой: взрослой, высокой, стройной, очень красивой, сильной душой и телом, благородной и доброй. А уж была ли она благородной и доброй на самом деле – Вера и сама не знала. Не предоставлялось возможности это как-нибудь продемонстрировать.

Но в реальном мире нужно было как-то защищаться. Образ! Нужен был образ, имидж, в который бы все поверили. И не смели бы обижать её...

Жизнь сама помогла Вере его создать.

Это было уже в шестом классе. У Пряжкина бегал в подвалах некто Игорёк Денисов. Что-то вроде шакала возле наглого тигра. Прыгал-прыгал как-то Денисов вокруг Веры, обзывал её, обзывал, всякий раз со смехом отскакивая в сторону и уворачиваясь от оплеухи, которую Вера уже готова была ему отвесить. Пряжкин, которому всегда доставляло удовольствие видеть, как отбивается Вера от припечатанного к ней прозвища, наблюдал всё это издалека. И Денисов чув-

ствовал поддержку покровителя, а потому был задорен и активен.

И так он, ничтожный, надоел Вере, настолько показался противен, что даже руки об него пачкать ей не хотелось. Поэтому, когда Денисов в очередной раз проблеял «То-о-олстая!» она решила просто пинком отшвырнуть его от себя подальше. Размахнулась кроссовком. Опорная нога ни с того, ни с сего вдруг подкосилась. И, чтобы не упасть, Вера кое-как развернулась и... так засветила Денисову ногой в лоб, что тот отлетел от неё на несколько метров.

– Вот это да! – тут же удивились мальчишки и обступили Веру.

А она сама, конечно же, не ожидала ничего подобного. И совершенно растерялась. Потому что выглядело это так, как будто Веру лет пять тренировал сам Джеки Чан – чтобы затем снять в кино её замечательный, да ещё с таким техничным разворотом, удар ногой...

И гениальная мысль пришла в этот момент Вере в голову. – Я занимаюсь карате. Уже давно, – оглядев присутствующих, спокойно (хотя на самом деле у неё тряслись все внутренности, да и руки-ноги тоже) сказала Вера. – Скоро буду сдавать на коричневый пояс. Так что лучше со мной не связывайтесь.

И все тут же поняли, что связываться не будут. Потому что уж очень натурально выглядел её удар. Да и след кроссовка на лбу у Денисова долго напоминал печатный пряник. Такое

не забудешь...

– Ну ты даёшь, колобок! – изумлённо ахнул хулиган Пряжкин.

И тут же умчался – может быть, чтобы не попадаться под руку или под ногу разъярённой «каратистке». Может, курить со старшими ребятами и хвалиться тем, какая боевая девчонка ему нравится. Или, наоборот, жаловаться, что он этой самой девчонке не нравится – ну просто никак...

С этих пор Вера стала окружать себя тайной. И чем больше кто-то в классе что-то хотел узнать о ней, тем больше она шифровалась – и становилась от этого в глазах общественности ещё интереснее, ещё таинственнее. Иногда её видели в городе – Вера куда-то шла или ехала. Но ничего конкретного она не отвечала на вопросы одноклассников. Лишь иногда выдавала по крупницам, недосказанными фразами, намёками какую-нибудь необыкновенную информацию: что она куда-то ходит гулять, заниматься, тусоваться. Так что все оказывались заинтригованными – и никому больше не приходило в голову Веру обижать и обзывать.

Никто и не догадывался, что все её занятия – это бассейн рано утром перед школой, куда ежедневно её возили родители, да музыкальная школа. В которую Вера ходила только потому, что в доме было пианино, доставшееся ей по наследству от старшей сестры. Та уехала учиться в Москву, и Вера пообещала ей, что, продолжая семейную традицию,

ненавистную музыкалку закончит. И хоть способностей у неё особых не было, а желания стать пианисткой тем более, Вера таскалась в музыкальную школу три раза в неделю, как на каторгу. Но обещание своё выполняла, чем радовала сестру и родителей.

Вера росла, росли и её одноклассники. И если до внешности мальчишек ей не было никакого дела, то вид девчонок, которые почти все как на подбор были в их классе то-ненькими и даже сублильными, нагонял на Веру чёрную меланхолию. Одноклассницы одинаково хорошо выглядели и в юбках, и в платьях, и в джинсах. А Вера джинсы, которых ей было куплено родителями много, не носила практически никогда. Наденет, посмотрится в зеркало, увидит свой необъятный круп – и меняет штаны на маскирующий сарафанчик... Сравнивая себя с ровесницами, она думала, что с такими формами, как у неё, вполне можно в выпускной класс переводиться... Поэтому зеркало было для неё самым ненавистным предметом.

Так что и сейчас Вера шархнула от него, как от чумы, сбросила ботинки и зашагала к себе в комнату. Включила компьютер, загрузила любимую игру «Крепость Хрустального перевала» – и до глубокой ночи гоняла отряды гоблинов, эльфов и людей по просторам виртуального мира. Она любила большой экран, правдоподобный окружающий звук в мощных наушниках. Чтоб почти как в реальности!

О себе настоящей Вера забыла – и не вспоминала вплоть до завтрашнего утра, когда нужно было ехать в бассейн и заставлять тело работать, заниматься, плавать. Ведь всё-таки надежда умирает последней...

Глава 2

Гоблин-пехотинец

Так и шли день за днём. И каждый день Вера Герасимова боролась с реальностью, которая её не устраивала. А это очень тяжело – быть постоянно недовольной собой. Но и как быть довольной тем, что есть, – Вера не знала.

Ведь ей так хотелось, чтобы все приключения, о которых она читала и мечтала, начали происходить по-настоящему, чтобы были друзья, с которыми можно в этих приключениях участвовать. Но дружить было не с кем – во дворе понятно, в классе тоже: ведь ребята за эти несколько лет убедились, что у неё своя собственная, необыкновенно интересная жизнь. А потому ни в ком из одноклассников она не нуждается. Про музыкальную школу и говорить нечего – там схема простая: отучились и разбежались по домам. Какие в музыкалке друзья?

Круг замыкался. И круг этот был просто адским. Бедная Вера, которая сама перекрыла себе все дороги, могла ходить по нему до бесконечности.

Конечно же, по натуре она была человек-борец, а потому попытки прорваться если не к воплощению мечтаний, то хотя бы просто к людям она предпринимала. Через интернет Вера узнала, что в городе существует «Клуб ролевых игр».

Там собирались те, кто в свободное от работы и учебы время собирались вместе и бегали по лесам с деревянными мечами, делая реальной свою любовь к творчеству Толкина и другим романтическим забавам. Вера нашла контакты этого клуба, твердо решив пойти туда и записаться. Вот ведь где могут быть единомышленники! Там и рыцари, и хоббиты, и джедаи – и все, кто хочешь! И она будет с ними вместе – девушка-воин...

Так что в начале зимы Вера в этот клуб и отправилась.

Но каждый метр дороги, что приближала её к заветной цели, добавлял сомнений. А вдруг её не возьмут? Вдруг там ей достанется только какая-нибудь эпизодическая роль – сорок восьмой пехотинец в четырнадцатой колонне третьего отряда запасных гоблинов? Ну что в такой роли будет интересного? Никакой инициативы: или беги, куда скажут, или лежи, изображая убитого. А Вере хотелось роль значительную: чтобы было, где развернуться.

«Ха! – гоблин-пехотинец!» – стукнула в голову девочке новая мысль. Сейчас как посмотрят на неё руководители, оценят, и скажут: куда ж ты, такая тумбочка, в войну играть пришла? В лучшем случае определят её в кухонные работницы.

А в худшем... В худшем засмеют-запозорят! Как всегда смеются над неадекватными людьми. Девушка-воин... Посмотри на себя, колобок? Какой ты воин? Цирк!..

Так что почти у самых дверей клуба Вера решительно раз-

вернулась и побежала прочь. Прочь от позора. По дороге она увидела кучку одноклассников и ребят из других классов и школ, которые, стуча зубами, оживлённо болтали, пихали друг друга в снег, прыгали, играя в «ножки», смеялись. Они были вместе. А Вера одна, одна...

Она примчалась домой, и, как ни сдерживалась, всё-таки разрыдалась. И плакала так долго, пока совсем не выдохлась и не задремала, положив голову на письменный стол.

В начале вечера пришла мама – Вера услышала её и проснулась. Зажигая везде по квартире свет, она вышла из своей комнаты.

– Привет, мам...

Весело ответив Вере, мама принялась переодеваться.

– Мы с папой идём в гости к Дидиковым! – сообщила она. – Он с работы прямо туда приедет. Мы и тебя хотели взять, но там будут одни взрослые.

– Не, я бы и не пошла. – махнула рукой Вера.

– Плохо, – покачала головой мама.

Вера сделала равнодушное лицо. Ей так не хотелось расстраивать своих дорогих родителей, а потому и для них у неё была припасена замечательная маска: спокойной равнодушной девочки, которой ничем не угодишь. О своих бедах Вера никогда маме с папой не рассказывала – ведь раньше у неё вообще никаких бед и проблем не было. А потом, когда они появились, ей было очень стыдно признаться, что её

кто-то обзывает. Вера боялась, что, услышав о «колобке» и «толстой», её родители – люди с активной жизненной позицией, тут же пойдут в школу разбираться, и этим окончательно сровняют её с плинтусом. А потом, когда она сама научилась бороться за себя, делиться проблемами вообще необходимости не стало.

Мама и папа очень много работали, а когда встречались дома, то тут же бросались друг другу в объятия. Так они и ходили по квартире весь вечер – совсем как Шерочка с Машерочкой. Или укатывали куда-нибудь: в театр, в ресторан или в гости, как сейчас.

И все время приставали к Вере с вопросами: «Что же ты сидишь дома? Шла бы в компанию!»... Папа и мама настаивали на том, чтобы их странная дочь завела себе хороших друзей – весёлых девчонок и мальчишек, с которыми ей было бы интересно. Учиться такая тусовка не повредит, тем более что Верины успехи в школе были гораздо выше средних. Так что – вперед!

Мама вообще иногда выхватывала у Веры из рук книжку, телефон или выключала фильм, восклицая:

– Вера, хватит на одном месте сидеть! Иди гулять!

На это Вера деланно отмахивалась:

– Ой, да не хочу... Мне такое времяпрепровождение не по душе...

– Не по душе... – искренне недоумевала мама. – А так лучше? В телефоне и за компьютером ты только зад себе на-

рациваешь и глаза портишь!

Это Вере вообще невозможно было слышать. Про зад она и так хорошо знала. Но Вера изо всех сил сдерживала слёзы. И... оставалась надменно-равнодушной.

Но не могла же она признаться, что на самом деле она и сама просто мечтает о компании весёлых друзей, чтобы вечером мчаться к тем, кто тебя ждёт, любит, понимает! Но НЕ БЫЛО у неё никакой тусовки – и проситься к кому-нибудь в друзья ей было просто НЕВОЗМОЖНО!!!

Так и сегодня – из любви к Вере мама завела свою традиционную песню.

– Ну почему же ты всё время сидишь дома, Верочка? – начала она, подсаживаясь к Вере на диван и обнимая её. – Почему никуда не ходишь, ни с кем не дружишь?

– Неохота...

– Но ведь, Вера, как ты не понимаешь – это же твои лучшие годы! – волновалась мама. – Тринадцать лет!.. Мы с папой познакомились примерно в этом возрасте. Да! Мы долго дружили, виделись нечасто, потому что разъехались из нашего двора в разные районы города. Но это было так интересно – встречаться, гулять, расставаться, снова ждать встречи... А наши друзья – ведь многие, как Дидиковы, до сих пор с нами! Да, те, с которыми мы подружились ещё в детстве.

– Ага... – охотно закивала Вера. Она знала историю дружбы с Дидиковыми.

Но мама не отставала. Она, кажется, даже про папу забы-

ла, который наверняка уже приехал в гости и теперь там маялся, ожидая её. И вот-вот начнёт звонить, разыскивая маму...

– Не «ага», Вера! – воскликнула мама. – Поверь: всё то, что с тобой случится в детстве, ты будешь помнить всю жизнь! И всё, что ты полюбишь, останется с тобой навсегда.

– Мам, ты же сама говорила, что влюбляться ещё рано! – подловила маму на противоречии Вера.

– Влюбляться – это одно! – отмахнулась мама. – А любить – другое... Любить можно всё, что угодно: собак, книги, игры. И людей, конечно – друзей и подруг...

– Артистов...

– Ну и артистов, да, – согласилась мама. – А что?

Коллекция фотографий Майкла Джексона, которую мама начала собирать ещё в детстве, до сих пор хранилась у неё в заветном чемоданчике...

– Ничего... – улыбнулась Вера.

– Да, Вера! – не сдавалась мама. – Так устроена детская душа: эмоции, которые поселятся в ней, будут сильны и памяты. Особенно положительные эмоции. Многих врагов и обидчиков ты со временем забудешь, а любимые поселятся в твоём сердце навсегда, – мама вытерла слезинку краем парадной кофточки, которую до сих пор держала в руке. – Правда, Верочка: в детстве дорог каждый день, важно и памятно любое событие. Это потом уже, во взрослой жизни, дни помчатся колбасой. Будут мелькать, не заметишь, как...

А ты так бездарно проводишь время... Так что не будь буйкой, дружи с ребятами. Друзья из детства – самые лучшие. Они, конечно, могут, как и любые другие, оказаться предателями, переметнуться куда-нибудь, когда им будет это выгодно. Что ж – кто не рискует... Но всё равно детские друзья останутся самыми любимыми. Так что давай – гуляй, дружи, ссорься, мирись, влюбляйся в конце концов! Ведь детство – это такое чудо!

Мама ещё хотела что-то добавить, но зазвонил телефон. Она бросилась к своей сумочке, выхватила его – и принялась объяснять папе, почему она всё ещё дома.

Вера, которая из последних сил сдерживала рыдания, поднялась с дивана, быстро обняла маму, шепнула ей: «Я всё поняла!» – и спряталась в ванной. Шум включённого душа спрятал её от мамы. Мама скоро ушла – и Вера осталась в полном одиночестве. Она сидела под искусственным дождём. И не знала, что же ей нужно делать. Жизнь – ад, мир грёз недостижим, потому что он всё-таки неправда. А друзей просто так взять и найти – совершенно невозможно...

Глава 3

Записка от таинственной личности

Вера любила уроки физкультуры – и ненавидела одновременно. Любила за все те нагрузки, которые на физкультуре заставляли выполнять – потому что ей приятно было испытывать себя на прочность. И ненавидела, конечно же. За форму. За свой спортивный костюм, в котором, разумеется, сама себе не нравилась.

И ещё ненавидела за то, что она, при всех прочих выдающихся результатах, не умела лазить по канату. Ну никак! Даже самые слабосильные девчонки с ручками-былиночками раз-раз-раз! – и оказывались на самом верху толстого каната с завязанным узлом хвостом. А она не могла. Правда, не умела лазить ещё и кругленькая пышечка Муся Гладышева – так ей никакой образ девушки-воина был и не нужен. И собой эта девочка-шарик была кажется, совершенно довольна. А Вера... Вера хотела покорить и канат. Она ведь даже приходила специально, когда в зале никого не было, тренировалась, пытаясь скоординировать действия своих рук и ног. Но или канат игнорировал её старания, или тяжёлая пятая точка перевешивала – так что ничего у Веры не получалось. Поэтому больше всего перед каждым уроком она боялась, что физкультурник заставит на эту непослушную гадость заби-

раться.

Но сегодня этого не случилось. Девочки сдавали на оценку отжимания от лавки, а мальчики подтягивания. Вера лихо отжалась сорок раз, получила свою пятёрку, понаблюдала, как девчонки, не стараясь, выполнив по пять-десять отжиманий, отходили с «троечкой». Им было просто лень, понимала Вера, они вполне могли отжаться гораздо больше неё – и девчонкам это не составляло труда... Но им было явно не до этого.

Потому что все они мчались смотреть, как будут подтягиваться мальчишки. На перекладинах, приделанных к верхней части «шведской лестницы», уже мотались первые двое. «Раз, два, три!» – хором считали девчонки количество подтягиваний Женьки-рыжего. Его конкурент Столбиков подтянулся один раз и упал вниз. А рыжий дотянул до пяти раз, спрыгнул – и был встречен овацией.

Вера стояла рядом с девчонками, которые, сидя на лавке, визжали, хлопали в ладоши и подпрыгивали. Лицо её казалось непроницаемым. Она просто боялась показаться смешной – и всё. И не догадывалась, что на самом деле девчонкам, что иногда оборачивались на неё, наоборот, было неловко за то, что они как дурочки визжат, а она – вся такая из себя взрослая, выглядит так интересно, что мальчишкам, наверняка, Верка гораздо больше нравится, чем они...

Вот настала очередь отличника Терехова подтягиваться. Он серьезно занимался спортом – боксом, и, как краем уха

слышала Вера, уже добился каких-то выдающихся побед.

Смотреть на него было очень приятно. Терехов подтягивался легко, красиво, без всякого труда. Десять, пятнадцать, восемнадцать... Когда перевалило за двадцать пять, физкультурник велел ему спрыгивать. И правильно – подумала Вера, – чтобы не видеть, как дальше для красивого подтягивания Терехову уже потребуются усилия. Шоу должно вовремя кончаться.

Его сменил на перекладине Игорёк Денисов. Позор его равнялся нулю подтягиваний. Как ни дёргался и ни корчился Игорёчек, силёнок ему не хватало. Вера вспомнила свой давний удар ему пяткой в лоб – и ей стало стыдно. Эх, тётя, с таким несчастным слабаком справилась...

Но тут же всплыл в памяти и образ ненавистного Пряжкина. А он, кстати, где? Опять прогуливает? Или боится опозориться? А вдруг он тоже не умеет подтягиваться – как она по канату лазить? Вот и прячется, бережёт свой имидж от краха... «Мы похожи! – с ужасом подумала Вера. – Неужели это судьба сама ставит дурацкого Пряжкина мне в пару?! Мы должны быть с ним вместе – то есть противными матершинниками, будущими уголовниками? Я не хочу!!!»

Почему из всех мальчишек этого класса она понравилась именно Коляну Пряжкину? Неужели это тоже – знак судьбы, против которой она пытается переть на танке? Может, судьба предлагает ей стать спокойной широкобокой домохозяйкой – мечтой мордастого пролетария Пряжкина? А она

рвётся в герои... в то время как в девушки-герои предусмотрен кто-то из её одноклассниц, таких лёгких, стройных. Вот встретит, сразу представила Вера, кого-нибудь из девчонок её восьмого «А» какой-нибудь мастер-ниндзя – и начнёт учить. И в такого супергероя превратится со временем эта балдень на тонких ножках! Но останется стройненькой, красиво и в меру накачанные мышцы добавят телу гармонии и изящества... А с такой пышной фигурой, как у неё, Веры, конечно же, только в сумо надо записываться, трескать центнерами рис и набирать ещё больший вес...

От этих уничижительных мыслей у Веры совсем испортилось настроение. Она уселась на гимнастическое бревно и отвернулась от всех. Но даже со спины вид у неё был до такой степени неприступный, что подходить к ней никто не решался. А Вере так, наоборот, хотелось, чтобы кто-нибудь спросил у неё, что случилось, заговорил бы, отвлёк, рассмешил. Но кто об этом догадается?

Физкультурник вновь свистнул в свисток, призывая построиться. Как гордый крейсер «Варяг» Вера прошествовала к своему месту в строю, спокойно встала. И слышала:

– Герасимова, мы будем новогодний вечер устраивать. Если пойдёшь, с тебя пятьсот рублей и ёлочная гирлянда.

Это Катя Марысаева, стоящая на несколько человек впереди Веры, шептала ей за спинами девчонок.

– Ты знаешь, Марысаева, я буду занята, – с деловым видом заявила Вера.

– А, ну ладно... – и Марысаева, кажется, совершенно не расстроилась по этому поводу.

После физкультуры, в кабинете географии Марысаева уже носилась с косметичкой, в которую складывала собранные на новогодний вечер деньги, и списком. В него она вносила сведения о том, кто что должен на этот вечер принести. Список, как она пояснила, поможет всем не забыть, кто за что отвечает. И спросить потом чтобы было с кого.

– Так, Герасимова не идёт... – мельком взглянув на Веру, проговорила Марысаева и вычеркнула Веру из своего списка. – Столбиков, тогда ты ёлочную гирлянду принеси. Нужно несколько гирлянд, мы их по стенам развесим – получится настоящая дискотека.

Кирилл Столбиков что-то промышчал про то, что лишней гирлянды у него нету. Но Марысаева показала ему маленький изящный кулачок, прошипела: «Так купи!» – и Столбиков покорно вздохнул. Катька переключилась на девчонок, которые должны были заниматься покупкой напитков и сладостей для праздничного фуршета. Это она придумала, что будет фуршет – а не как раньше в младших классах: каждому по бумажному стаканчику, пирожному, леденцу и яблоку, и чтоб за чужие порции не хватались! Все ведь теперь взрослые, а фуршет, когда подходи и бери, что хочешь – это круто...

Не обращая больше на её суету внимания, Вера уселась за свою парту – в компанию всё к тому же флегматичному

Столбикову. Влетела географичка – начался урок.

...По рядам кто-то передавал записку, сидящий впереди Миша Севастьянов шлёпнул её перед Верой. «ГЕРАСИМОВОЙ» – с удивлением прочитала Вера на сложенной вчетверо бумажке. Что и говорить, артисткой она стала замечательной – ни один мускул не дрогнул у неё на лице, когда девочка, почему-то заволновавшись, осторожно раскрыла бумажку. Записка была, конечно, не от Пряжкина – его корявый почерк она научилась узнавать, даже если Колян пытался писать печатными буквами. Но кто же это прислал? Девчонки решили подшутить? Вряд ли...

*«ВЕРА, ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИХОДИ НА
НОВОГОДНИЙ ВЕЧЕР!»*

Вот что было написано в записке. И всё – ни подписи, ни пояснения, зачем кто-то непременно хочет её на новогоднем вечере видеть.

Вера оглядела одноклассников. У доски шлёпала указкой по криво висящей географической карте напряжённая Лиля Кобзенко. Она очень старалась – ведь ей грозила двойка в четверти. Остальные или смотрели на неё, или в учебники. Марысаева, правда, что-то писала – наверное, списки продуктов в порядок приводила. Вряд ли записка – её рук дело. Ведь она не оставляет надежды как-нибудь вернуть ухажёра-Пряжкина, а вечер с танцами – удобная возможность попытаться. Так зачем ей ещё и Веру на вечере видеть?.. Да и почерк у Катки другой. Прожумайло через парту пыталась

привлечь внимание этой же самой Марысаевой – наверно, чтобы предложить чем-нибудь дополнить её список. Пряжка в классе не было – как обычно, прогуливал, Денисов уныло зевал... Кто же?! Кому это надо? Зачем?

Вопросы Веры так и остались без ответов. А может, это вызов? – догадалась она к концу урока. Кто-то хочет проверить, как она откликнется на него. Придёт ли отсвечивать, позорясь на фоне бойких красоток?.. Но Вера ведь не трус? Не трус Вера. Не трусиха. А значит... Вызов принят!

– Кать, я передумала, – заявила она, подойдя на перемене к Марысаевой. – Возьми мои пятьсот рублей, я приду на праздник.

– Ага, – без всякой радости или огорчения кивнула Катя, сунула деньги в свою специальную косметичку, вытащила список, поставила галочку напротив Вериной фамилии. И сказала. – Тогда, Герасимова, с тебя всё равно гирлянда. Нам много надо. И музыки какой-нибудь клёвой – на всех носителях. Это каждого касается, слышите?

– Хорошо, – согласилась Вера.

Их диалог слышали практически все. Кроме отсутствующего Пряжкина.

Но таинственный отправитель записки так никак и не проявился.

Весь вечер думала об этом странном событии Вера, ни до чего не додумалась и пришла к весьма разумному выводу, который вполне успокоил её – такие записки прислали всем.

Чтобы все растяпы и рассеянные не забыли явиться на новогодний вечер. Только почему же записки послали так рано?..

Глава 4

Аскетический балахончик

Однако за те две недели, что прошли с этого момента до новогоднего праздника, Вера успела забыть о своём желании непременно выяснить, как же на самом деле обстояло с интригующей запиской. И действительно на общее собрание бы не пришла, если бы в последний день занятий – тот, на вечер которого мероприятие и было запланировано, в общий чат группы на Верином телефоне не свалилось сообщение:

«Начало сегодня в 17.00»

А через три секунды персональное:

«Герасимова – гирлянда. Приноси пораньше, ребята её вешать будут!»

Вера, которая уже уходила из класса, прочитала, вспомнила про праздник-гирлянду-записку. И подошла к Марысаевой.

– Куда приходиться? – скрывая волнение, спросила она. – К скольким приходиться?

– Сюда приходиться. К четырём приносить, – хихикнула Марысаева. – Пряжкин, ты же будешь украшать?

– Ага! – расплылся в улыбке Колян, появляясь рядом с Верой.

Вера отшатнулась от него, издалека закивала Марысае-

вой: «Принесу-принесу, не волнуйся!»

И умчалась.

...В чём пойти? Дома Вера раскрыла шкаф с одеждой. Вообще-то она бы особенно не мудрствовала и отправилась на вечеринку в том же, в чём всегда ходила: в свитере и широком джинсовом сарафане, который мама периодически грозила выкинуть. Но в том же самом – это как-то не то... Что же выбрать? Юбки покороче и узкие брюки Вера по понятным причинам отвергла сразу. Широкие штаны в стиральной машинке валяются – с огромным грязным пятном на коленке.

Вера примерила костюмчик, купленный на днях по маминому настоянию. Позор, конечно... Тумбочка. Глядя на себя в зеркало, Вера до слёз расстроилась. Эх, если бы можно было приехать... нет, не на этот школьный вечер, а на настоящий бал – в длинном платье из тонкой развевающейся ткани, танцевать там старинные, пусть немного церемонные, но от этого особенно приятные танцы!

И Вера, уже не замечая отражения в зеркале, представила себя: как она, героическая красавица, которая только что рубилась на мечах с врагом своего царства-королевства – или, с бластером в руках, участвовала в задержании особо опасного для всей Галактики преступника, теперь входила в балльный зал. Вот она, тонкой рукой отодвигая с прекрасного лица прядь волос, улыбаясь гостям, идёт приветствовать хозяев

замка. Она ступает уверенно и грациозно, чуть придерживая край платья. И пусть под этим платьем у неё боевые штаны и сапоги, которые она не успела переодеть, никто не замечает этого – ведь она так стройна и легка... Но пребывание де-вушки-воина на балу так недолго – всего несколько танцев, и она вынуждена удалиться. Суровая служба – охранять покой своего народа от посягательств врагов, ждет её. Она вы-бегает из замка, садится на коня – и стремительно удаляется в ночь. Гости долго смотрят с балкона, как веет на ветру её светлое платье...

А сейчас, в этом обтягивающем костюме она напоминает упитанную секретаршу... Фу! Но раз мама ей ЭТО купила, пусть сама и носит!

Вера широким шагом направилась в мамину комнату и повесила дурацкий розовый с коричневыми цветочками ко-стюмчик ей в шкаф. Развешивающееся платье, лёгкая походка, танцы на балу... Бред. На самом деле, всё окажется не так: Вере, как всегда, будет очень неловко. И все её силы окажут-ся брошенными на то, чтобы никто этого не заметил. А зна-чит, ей придётся вести себя, как обычно: неприступно и над-менно. И постараться смотаться домой при первой возмож-ности.

А раз такое дело, то нечего и утруждаться с внешним ви-дом. Надеть бы какую-нибудь дерюгу – чтобы хуже уже неку-да! И пусть только кто попробует сказать ей что-нибудь на-смешливое. А если и скажет – так что же, это будет неправ-

да, что ли?

И взгляд Веры как раз-таки и упал на эту дерюгу. Да, в мамином шкафу она вдруг и нашла то, что надо! Это был просторный балахон из мешковины – длинный, с широкими рукавами и незамысловатой круглой дыркой-воротом, акkurat только голову просунуть. Скорее всего, балахон для ношения не предназначался – по крайней мере, на маме Вера его точно не видела. Очевидно, она это купила недавно – в качестве чехла для дорогой одежды.

Вера в балахон и облачилась. Он оказался длинноват – подол его практически лежал на полу. Но девочка не растерялась и подвязала его маминой поясной сумкой. Ну вот – очень даже хороший получился вид. Проще просто некуда. Вера решила и дальше в этом балахоне ходить. В нем она напоминала себе монаха католического ордена, практикующего бедность и самоограничения. И этот аскетический облик её вполне устраивал.

Вера причесалась, упаковала гирлянду и отправилась в школу. Музыку она брать не стала – всё равно, классику и саунд-треки к фильмам, которые она любила, никто бы на вечеринке слушать не стал.

Ух, как суетились одноклассники, украшая кабинет новогодними атрибутами – мишурой, китайскими фонарями на длинных нитках, вырезанными из бумаги снежинками, картинками с Дедами Морозами, Снегурочками и ёлками. По

стенам, шторам и наглядным пособиям мальчишки растягивали гирлянды. Руководил ими деловитый Пряжкин. «А может, та записка – это всё-таки его рук дело? – озарило вдруг Веру. – Он просто попросил кого-то её написать, чтобы я почерк не узнала?! Всё понятно... Эх!» Можно было смело давать дёру...

Но нарядная Марысаева, причёска которой мерцала обильно разлитым по ней лаком с блёстками, выхватила у Веры гирлянду и потащила её Пряжкину.

– Вешайте скорее, мы уже скоро начинаем! – скомандовала она.

Пряжкин улыбался во всю свою широкую физиономию – и смотрел на Веру. Катьке даже пришлось его в спину подтолкнуть.

– Ну шевелись же!

Пряжкин зашевелился – и сам полез вешать Верину гирлянду.

А Веру позвала учительница Ангелина Владимировна, которую она не сразу заметила среди ребят. Всё, бежать поздно...

«Только подойди ко мне...» – покосившись на Пряжкина, подумала Вера и отправилась к столам с угощением, куда позвала её учительница. Помогла разложить по вазам только что помытые мандарины и виноград. Больше помогать в приготовлении фуршета было не нужно. Уже всё оказалось готово – девчонки постарались.

Классная руководительница проверила электротехнику на предмет безопасности, дала отмашку Марысаевой: можно! Зазвучала музыка – и новогодний вечер начался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.